

Роль принципа дополнительности в теории права

Владимир А. Цыгановкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, whitehall@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности применения общенаучного принципа дополнительности в социально-гуманитарных исследованиях с точки зрения возможности более комплексного описания и объяснения права в рамках его общей теории. Целью является обоснование использования этого методологического принципа в сфере правовых исследований для решения таких эпистемологических проблем теории права и юридической науки в целом, как неограниченный релятивизм правопонимания; дисциплинарная замкнутость и самодостаточность правовой теории; легитимация в юридической науке плюрализма видения права, то есть преодоление фундаментализма и односторонности правовых теорий, сосредоточенных только на каком-то одном из аспектов проявлений права в социокультурной жизни. Демонстрируется необходимость построения теории права с учетом данного методологического основания, что, в частности, способствовало бы, во-первых, выработке интегративного понимания права, позволяющего более операционально применять это общетеоретическое понятие в конкретных эмпирических исследованиях, во-вторых, более тесной интеграции правоведения с другими социогуманитарными науками и, в-третьих, формированию более многомерного социокультурного образа права в научном и образовательном дискурсах.

Ключевые слова: современная эпистемология, методологический плюрализм, принцип дополнительности, правовой релятивизм, правопонимание

Для цитирования: Цыгановкин В.А. Роль принципа дополнительности в теории права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 3. С. 124–136. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-3-124-136

The role of the complementarity principle in the theory of law

Vladimir A. Tsyganovkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

whitehall@bk.ru

Abstract. The article analyzes the features of the application of the general scientific principle of complementarity in social and humanitarian studies from the point of view of the possibility of a more comprehensive description and explanation of law in the framework of its general theory. The purpose is to substantiate the use of that methodological principle in the field of legal research for resolving such epistemological issues of the theory of law and legal science in general as: unlimited relativism of legal understanding; disciplinary isolation and self-sufficiency of legal theory; legitimization of the pluralistic vision of law in legal science, that is, overcoming fundamentalism and one-sidedness of legal theories focused only on one aspect of the manifestations of law in the life of society. The necessity of constructing a theory of law taking into account the above methodological basis is demonstrated, which, in particular, would contribute, firstly, to the development of an integrative understanding of law, allowing for a more operational application of that general theoretical concept in specific empirical studies, secondly, closer integration of jurisprudence with other socio-humanitarian sciences, and thirdly, the formation of a more multidimensional socio-cultural image of law in scientific and educational discourses.

Keywords: contemporary epistemology, methodological pluralism, complementarity principle, legal relativism, legal understanding

For citation: Tsyganovkin, V.A. (2023), "The role of the complementarity principle in the theory of law", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 124–136, DOI: 10.28995/2073-6304-2023-3-124-136

Введение

Особенности современной научной картины мира и философии науки стали результатом критического переосмысления и сочетания элементов классической и постмодернистской эпистемологии. Они, в частности, предполагают применение к описанию и объяснению социальных явлений таких методологических установок и принципов, как плюрализм знания, ограниченный его интересубъективностью, мягкий конструктивизм, комплементарность (дополнительность) подходов в научном объяснении, ограниченная

культурная обусловленность, человекообразность в описании и объяснения общественных явлений.

Изменившееся в ходе лингвистического, антропологического и прагматического поворотов научное видение социального мира распространяется в правоведении несколько медленнее, чем в других сферах социогуманитаристики, но также предполагает переосмысление методологических оснований юридической науки с учетом обозначенных принципов. Их применение делает более возможным решение проблемы релятивизма правопонимания, часто выражающегося либо в конфликтности, либо взаимном непризнании, игнорировании различных типов концептуального понимания права и соответственно разного описания и объяснения социально-юридических явлений, а, следовательно, и разных направлений в теории права (по сути разных «теорий права»). Значимым эпистемологическим средством в этой научной проблематике может стать общенаучный принцип дополнительности (комплементарности).

Далее будет продемонстрирована потенциальная применимость этого принципа для решения таких внутринаучных проблем юриспруденции (правоведения), как: 1) неограниченный релятивизм правопонимания и как результат сложность применения предметобразующего понятия «права» к эмпирическим явлениям; 2) дисциплинарная замкнутость и самодостаточность правовой теории; 3) преодоление фундаментализма и одностороннего характера классических правовых теорий для легитимация в научном и образовательном дискурсе плюралистичного и многомерного видения права.

Основная часть. Для обозначения актуального состояния весьма разнородных интеллектуально-философских тенденций часто применяют термин «пост-постмодернизм» (after-postmodernism) [Ритцер 2002]. Эта интеллектуально-философская традиция, формирующаяся в первой четверти XXI в., отличается не столько появлением совершенно новых мировоззренческих принципов, сколько, во-первых, сочетанием классических и постмодернистских установок, и, во-вторых, зачастую новым их смысловым наполнением.

Среди важнейших общих характеристик современной эпистемологии, безотносительно ее деления на естественную и социогуманитарную области, часто выделяют методологический плюрализм, т. е. осознание ограниченности, односторонности любой методологии¹. При этом в отличии от постмодернистского

¹ Кохановский В.П. Основы философии науки / В.П. Кохановский и др. 7-е изд. Ростов н/Д., 2010. С. 458.

эпистемологического хаоса и, как следствие, зачастую отрицания самой возможности научного познания социальных явлений, эпистемология условного пост-постмодерна опирается на принципы интерсубъективности и потенциальной и желательной верификации знания.

Качество повышенной предметной неопределенности сегодняшней правовой науки и соответственно общей теории права во многом обусловлено угрожающе разросшимся в ней релятивизмом правопонимания, т. е. понимания предметообразующего концептуального понятия права.

При том, что эпистемология современных социогуманитарных наук в целом предполагает отказ от эссенциалистских интерпретаций социальных явлений, это не предполагает признание в качестве основного методологического инструмента произвольного авторского маркирования чего-либо в качестве права. Даже при отходе от классического фундирования права, как познание через отсылку к априорному «сущностному» основанию [Мелкевик 2008, с. 527–539], научный дискурс, сохраняющий принцип верификации в ряду других, предполагает необходимость выявления таких общих черт номинации людьми в разных обществах чего-то в качестве права, которые бы складывались в методологическую (а не эссенциалистскую) конструкцию «сущности» этого явления. Только при таком условии концепт права можно применять в качестве «идеального» объекта при эмпирических исследованиях в одной системе координат, т. е. в относительно едином, хотя и конкурентном и небесконфликтном научном пространстве.

Однако сегодня в отношении «права» как основополагающей категории практической юриспруденции и наиболее общего «идеального объекта» теории права-правоведения среди разных групп юристов и ученых отсутствует такая степень конвенционального единства, при которой определение этого предметообразующего понятия позволяло бы разным наблюдателям интерсубъективно говорить о «правовых» свойствах наблюдаемых социальных процессов в относительно одинаковом смысле. Релятивизм понимания права проявляется в двух основных аспектах: 1) обозначение разными научными школами этим термином разных по феноменализации объектов (конструкты в сознании / фактические регулятивные отношения / официальные нормативные тексты); 2) признание значительной частью юридического сообщества исходной релятивности содержания права – его несоизмеримость и принципиальная функциональная и ценностная разность в различных обществах, а значит, и отсутствие единого, инвариантного (межстранового) критерия «правового» качества. (Если же таким

критерием избирается признак наибольшей принудительности (санкционированности) позитивистской традиции, то выявляемые при таком подходе «правовые» закономерности будут совпадать с «политическими», так как в основе фактически лежит понятие власти, т. е. категория политологическая.)

Подавляющая часть исследовательских юридических работ пишется на основе позитивистского подхода, т. е. описания права как мира официальных юридических текстов, технико-юридических (языковых) способов построения таких текстов и их логического содержания. Другая огромная часть правоведческих публикаций написана в рамках философии права, т. е. с точки зрения на право как на представления людей, что в общем-то во многом оправдано, потому что, конечно, право – это прежде всего мыслительная конструкция, идея, и история права – это именно процесс развития соответствующих идей и представлений. Однако идеи идеями, а право как социальный феномен многомерно, и сводить его исключительно к сфере умозрительных идей нельзя.

Таким образом, внутреннее разделение теоретических направлений и подходов во многом определяется фундаментализмом типа правопонимания, т. е. ориентацией исследователя на один из трех основных аспектов феноменологии права – т. е. того, как оно проявляется в жизни общества: в виде когнитивных (мыслительных) конструкций – господствующих представлений о праве, либо в виде официальных юридических текстов, либо в виде профессиональной регулятивной деятельности. Здесь мы оставляем в стороне деление типов правопонимания в зависимости от интерпретации сущности права, хотя, помимо того, что само явление, т. е. феноменологию права можно акцентировать по-разному – на сознании, на поведении, либо на текстах – и сущность права, т. е. качественную определенность этого феномена, его содержательное отличие от других социальных явлений, интерпретируют также различно.

Преодоление неограниченного релятивизма понимания и определения права может достигаться в принципе дополнительности благодаря его сочетанию с принципом интерсубъективности научного знания. Применительно к праву последний означает не произвольное авторское маркирование чего-то в качестве такового, а выявление (и уже затем взаимодополнение) наиболее валидных, репрезентативных и инвариантных общесоциальных и профессиональных представлений и практик, конструирующих право как социокультурный феномен.

Задача специалиста в области теории познания выглядит в этой связи не как предписывание познавательных норм, полученных на

основании некоторых априорных соображений, а как выявление тех из них, которые реально используются в процессе коллективной познавательной деятельности [Лекторский 2001, с. 112].

Принцип дополнительности (complementarity) как идея комплементарности, а не противоречивости (взаимоисключаемости) различных подходов и способов описания явлений возник в первой трети XX в. в рамках естественных наук, получив популярность и эвристическую обоснованность главным образом в работах Нильса Бора. В современной философии науки это фундаментальное положение означает, что «для воспроизведения целостности исследуемого объекта» применяются ««дополнительные» классы понятий, которые, будучи взяты раздельно, могут взаимно исключать друг друга» [Порус 1997, с. 93–111].

История применения данного принципа в социогуманитарных исследованиях насчитывает уже несколько десятилетий.

Нобелевский лауреат по экономике Джеймс Бьюкенен в работе «Пределы свободы: между анархией и Левиафаном» (1975), которая считается одним из наиболее значимых его произведений, для объяснения проблем, связанных с регулированием экономики, фактически применял принцип дополнительности различных подходов к регулированию. Однако дополнительность у Бьюкенена выступает в большей степени как принцип социальной инженерии, чем как эпистемологический параметр. В работе сам «принцип» не сформулирован в явном виде, однако некоторые представленные идеи можно считать взаимодополняющими по своему характеру. Например, идея уравнивания индивидуальной свободы необходимостью коллективных действий, как и идея предоставления возможности свободного функционирования рынка при одновременном его регулировании для предотвращения монополий. В целом автор выступает за сложное взаимодействие различных принципов и идей, которые призваны работать вместе для создания более стабильного и справедливого общества, вместо того, чтобы полагаться на один руководящий принцип.

В похожем смысле использует идею дополнительности Дуглас Норт в работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики», впервые опубликованной в 1990 г., где утверждает, что на экономическое развитие влияет взаимодействие между институтами, технологиями и экономическими стимулами, и обосновывает взаимодополняемость этих факторов.

Дж. Элстер рассматривает проблемы, связанные с объяснением социального поведения и принятием решений [Elster 2015]. Работа прямо не формулирует этот «принцип», однако идею дополни-

тельности можно увидеть в концепциях, которые в ней представлены. Так, принципы рациональности и личных интересов часто рассматриваются как дополняющие друг друга, как и параметры социальных норм и индивидуальных предпочтений. В целом, хотя Эльстер и не использует сам термин «дополнительность», в работе показывается важность рассмотрения взаимозависимости и взаимодействия различных факторов в понимании социального поведения.

В статьях Эрика Дж. Джонсона и Венди Вуд [Johnson, Wood 2011, с. 793–807] обсуждается усиливающееся пересечение экономики и психологии и то, как концепция дополнительнойности может быть использована для понимания взаимосвязи между этими двумя полями знания.

В исследовании Криса Роуза [Rose 2011] принципы дополнительнойности и человекообразности применяются для объяснения различий в поведении и культуре между различными группами людей. На основе крупномасштабных детальных опросов, которые выявляют связи и корреляции между установками и убеждениями, авторы утверждают, что эти наборы установок и убеждений создают три версии «здорового смысла», три различных (и дополняющих друг друга) способа видения мира и оценки любого предложения, политической идеи, события прошлого, социальной возможности, товара или услуги.

Применяется этот общенаучный принцип и в российской социогуманитаристике.

В лингвистике Н.М. Нестерова видит дополнительнуюность между «непониманием» и «пониманием» при переводе с иностранного языка [Нестерова 2005].

В психологии В. Ротенберг рассматривает дополнительнуюность в двух вариантах: 1) принцип дополнительнойности как способ взаимодействия различных дисциплин; 2) принцип дополнительнойности как комплементарность в свойствах объекта исследования [Ротенберг 2001].

В исторических изысканиях подход, интегрирующий разные методологические концепции, показавшие свою корректность и полезность в изучении определенных явлений и процессов, активно применяет Б.Н. Миронов, отмечая, что он лишь на первый взгляд кажется эклектическим:

Однако в интегральном подходе нет формального, механического и беспринципного сочетания разнородных, несовместимых, противоречивых концепций. Объединяются такие, которые взаимодополняемы, или комплементарны [Миронов 2014, с. 66].

В правоведении принцип дополнительности так или иначе применялся в рамках так называемого интегративного правопонимания, как в зарубежной (Дж. Холл, Г. Берман), так и в российской юриспруденции (Б.А. Кистяковский, А.С. Яценко).

В советский период определенные попытки реализации данного подхода воплотились в так называемом «широком правопонимании», отрицавшем сведение права исключительно к нормативной стороне и относившем к нему как нормы, так и идеи, и правоотношения. В ранний период эти представления были обозначены в работах Е.Б. Пашуканиса, а в дальнейшем развивались в текстах С.Ф. Кечекьяна, А.А. Пионтковского, А.К. Стальгевича, Я.М. Миколенко, Н.В. Витрука, Г.В. Мальцева, В.С. Нерсисянца, Л.С. Явича и некоторых других. При этом внутри данного условного общего направления не было единства: некоторые авторы акцентировали приоритет правовых идей, другие – первичность общественных отношений.

Однако эти авторские концепции не изменили мейнстрим в доктринальном, исследовательском и образовательном дискурсе, а соответственно, и современную, преимущественно позитивистскую отечественную теорию права. Одной из немногих актуальных успешных попыток в этом направлении (создания комплексного теоретического подхода и интеграции его в научный и образовательный дискурс) стала работа А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной².

Тем не менее можно обозначить предпосылки и перспективы для более широкого применения установки на дополнительность описаний и объяснений правовых явлений социокультуры и возможного формирования интегрирующей их правовой теории.

Право (как и любое социальное явление) можно изучать с трех разных сторон. Одни исследуют право как историю идей (юридических принципов, понятий и конструкций), другие как фактически наблюдаемую регулятивную практику – деятельность профессиональных субъектов (судей, нотариусов, полицейских, парламентариев и др.), третьи как корпус официальных юридических текстов (законов, судебных решений, договоров и т. д.). Эти разные на первый взгляд описания и объяснения права необязательно противоречат, а часто дополняют друг друга и являются иллюстрацией качества комплементарности понимания и объяснения многомерных социокультурных феноменов. Так создание правовых текстов само по себе также является деятельностью, а фактическая повседневная регулятивная прагматика не может существовать вне

² Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учеб. 3-е изд. СПб.: СПбГУ, 2017. 468 с.

коммуникации с помощью знаковых систем (текстов) и была бы невозможна как качественно отличное от других явление, если бы не основывалась на общих ментальных схемах и представлениях – правовых идеях. Как было показано С. Московичи, именно представления, которые мы разделяем, в том числе мифы, религии, мировоззрения, составляют суть ткань наших общих социальных связей [Московичи 1998, с. 60].

Из понимания многомерности права как комплементарности разных аспектов его онтологии во многом также вытекает междисциплинарность методологии его познания, то есть решение проблемы замкнутости и самодостаточности правовой теории. С позиции социологии знания, формирование того специфического стиля мышления и описания права, который полностью лишен социального измерения, может быть согласно Пьеру Бурдьё объяснено притязаниями значительной части правовых теоретиков позднего модерна на абсолютную автономию юридической мысли [Бурдьё 2014, с. 75]. Именно это во многом привело к замыканию теории права на собственных логических категориях и юридической догматике как самодостаточных основаниях описания и объяснения права.

Изучение права как феномена человеческого сознания, то есть как типичных когнитивных моделей в сфере психики людей конкретного общества, означает соответственно обращение в правовых исследованиях к методам психологической науки, т. е. способам реконструкции механизмов и закономерностей индивидуального и коллективного мышления, восприятия и памяти. Эти методы используются в том числе и при ретроспективных исследованиях, например, так называемая историческая психология.

В свою очередь, ориентация исследователя на преимущественно социологическое измерение права как профессионально-специализированной деятельности по поддержанию социального порядка на основе специфических формальных и неформальных правил, ведет к более активному использованию им именно социологических познавательных способов и процедур добывания знаний о праве (количественные обобщения юридической статистики, методы анкетирования и социальных опросов, кейс-стадис и т. д.).

Акцентирование в исследовании текстуального измерения бытия права неизбежно предполагает преимущественное обращение к филологическим, текстологическим и герменевтическим методам описания и объяснения.

Хотя три формы существования права – поведенческая, мыслительная и текстуальная – аспекты социокультурного целого, это не означает, что они не могут в чем-то расходиться друг с другом: офи-

циальные модели должного не всегда реализуются на практике, а некоторые аспекты практики еще не осмыслены категориально. Не говоря уже об официальных текстах, которые могут не отражать ни общезначимых форм мышления и ценностей данного общества, ни реальной юридической практики (классический пример для многих стран – текст их конституции). Однако там, где эти три аспекта пересекаются, совпадают, можно говорить о праве как о явлении в полном смысле слова, во всех его ипостасях. Точно так же в современной гуманитаристике считается, что миф – это одновременно и сюжет, и ритуал, и особая форма мышления.

Именно поэтому объяснить стабильность воспроизводства и конкретные особенности типичной юридической деятельности, то есть институционального или прагматико-поведенческого аспектов права можно, только выяснив, как и почему это делают люди, то есть обратившись к их сознанию и ментальным конструкциям в нем, которые и определяют специфику их поведения. Такой методологический подход в теории права либо конкретное исследование, основанное на соединении описания и объяснения трех традиционных основных аспектов права в общий комплекс (часто обозначаемый как интегративный), может быть реализован как раз на основе общенаучного принципа дополнительности.

Так сочетание обусловленности человека культурой (например, заданность главных стереотипов правовой деятельности структурно-институциональными, культурно-нормативными, в определенном смысле надличностными, особенностями общества, на чем делали акцент такие модернистские направления, как структурный функционализм и «социальная история») с антропологичностью (человекоразмерностью) интерпретации права (т. е. упор на повседневную деятельность и сознательный выбор субъекта, сделанный в рамках «прагматического поворота») [Честнов 2012; Dosse 1995], позволяет существенно преодолеть крайности многих исследовательских подходов. В рамках такого подхода право может быть описано как специализированная деятельность по упорядочиванию поведения социальных субъектов с помощью общеобязательных и формально-определенных норм, выражающих наиболее значимые и императивные социокультурные представления о должном.

Выводы

Принцип дополнительности способен выполнять в теории права несколько эпистемологических функций и может решить ряд проблем исследовательской деятельности применительно к праву.

Во-первых, он ограничивает абсолютный релятивизм понимания путем комплементарности, взаимодополнения именно наиболее валидных, репрезентативных и инвариантных общесоциальных и профессиональных представлений и практик и, соответственно, концептуализирующих их научных подходов.

Применительно к сфере правовых исследований и их доктринальной и образовательной концентрации – теории права – принцип дополнительности является как проявлением плюрализма в виде признания равноправности и не-исключительности различных типов интерпретации (описания и объяснения) права, так одновременно и ограничителем этого релятивизма, поскольку предполагает взаимодополняемость валидных, репрезентативных и комплементарных подходов. Валидность и репрезентативность означают, что взаимодополняться должны не любые из бесконечного разнообразия авторских концепций, а наиболее значимые подходы, выражающие распространенные общесоциальные и профессионально-групповые представления о праве. Комплементарность не исключает соблюдение и общелогического принципа непротиворечивости, т. е. предполагает такое сочетание описаний и объяснений, при котором они не исключают друг друга, а описывают разные стороны и аспекты права как сложного и многомерного феномена. Тем самым принцип дополнительности во многом вводит релятивизм в рамки научности, не давая ему абсолютизироваться и полностью размыть предметные границы права, т. е. сохраняя относительную определенность содержания предмета юриспруденции.

Во-вторых, этот общенаучный принцип также обеспечивает методологический и онтологический (в значении «мировоззренческий») плюрализм (в методологии познания права и в социальных взглядах на его проявления в жизни) в правовых исследованиях путем признания равноправности и сочетаемости разных наборов познавательный процедур и аспектов проявления права в жизни. Тем самым он ведет к необходимой междисциплинарности исследовательской методологии познания права, в том числе применительно к его теории, которая таким образом может избежать научной замкнутости на саму себя.

В-третьих, данный принцип обеспечивает легитимацию в юридической науке плюрализма видения права как многомерного социокультурного явления, т. е. преодоление фундаментализма и односторонности теорий, сосредоточенных только на каком-то одном из аспектов проявлений права в социальной жизни. Изложение теории права с учетом данного методологического основания может способствовать как выработке интегративного понимания права, позволяющего более операционально применять его в кон-

кретных эмпирических исследованиях, так и формированию более многомерного социокультурного образа права в научном и образовательном дискурсах.

Литература

- Бурдые 2014 – *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр., сост., общ. ред. пер. и послесловие Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2014. 576 с.
- Лекторский 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
- Мелкевик 2008 – *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. С. 527–545.
- Миронов 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: От традиции к модерну. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 892 с.
- Московичи 1998 – *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии: КПС+, 1998. 556 с.
- Нестерова 2005 – *Нестерова Н.М.* Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. 202 с.
- Порус 1997 – *Порус В.Н.* Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93–111.
- Ритцер 2002 – *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
- Ротенберг 2001 – *Ротенберг В.С.* Сновидения, гипноз и деятельность мозга. М.: Центр гуманит. лит. РОН, 2001. 254 с.
- Честнов 2012 – *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с.
- Dosse 1995 – *Dosse F.* L'Empire du sens. L'Humanisation des sciences humaines. Paris: La Découverte, 1995. 432 p.
- Elster 2015 – *Elster J.* Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 516 p.
- Johnson, Wood 2011 – *Johnson E.J., Wood W.* Complementarity in the Line of Sight: Profiling the New Intersection of Economics and Psychology // Journal of Economic Psychology. 2011. Vol. 32. Iss. 5. P. 793–807.
- Rose 2011 – *Rose C.* What Makes People Tick? The Three Hidden Worlds of Settlers, Prospectors and Pioneers. Matador, 2011. 420 p.

References

- Bourdieu, P. (2014), *Social space. Fields and practices*, Shmatko, N.A. (transl. from French, comp., general ed., afterword), Aleteya, Saint Petersburg, Russia.

- Chestnov, I.L. (2012), *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of Law], Alef-Press, Saint Petersburg, Russia.
- Dosse, F. (1995), *L'Empire du sens. L'Humanisation des sciences humaines*, La Découverte, Paris, France.
- Elster, J. (2015), *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*, 2nd edn., Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Johnson, E.J. and Wood, W. (2011), "Complementarity in the Line of Sight: Profiling the New Intersection of Economics and Psychology", *Journal of Economic Psychology*, vol. 32, iss. 5, pp. 793–807.
- Lektorskii, V.A. (2001), *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology classical and non-classical], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Melkevik, B. (2008), "Philosophy of Law in the stream of today", Polyakov, A.V. (ed.) *Russian Yearbook of Theory of Law*, no. 1, Saint Petersburg, Russia, pp. 527–545.
- Mironov, B.N. (2014), *Rossiiskaya imperiya: Ot traditsii k modernu* [Russian Empire. From tradition to the Modern], vol. 1, Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Moscovichi, S. (1998), *Mashina, tvoryashchaya bogov* [The machine that creates the gods], Tsentr psikhologii i psikhoterapii: KPS+, Moscow, Russia.
- Nesterova, N.M. (2005), *Tekst i perevod v zerkale sovremennykh filosofskikh paradigm* [Text and translation in the mirror of modern philosophical paradigms], Perm. gos. tekhn. un-t, Perm, Russia.
- Porus, V.N. (1997), "Epistemology. Some trends", *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 93–111.
- Ritzer, J. (2002), *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern sociological theories], 5th ed., Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Rotenberg, B.C. (2001), *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Dreams, hypnosis and brain activity], Tsentr gumanit. lit. RON, Moscow, Russia.
- Rose, C. (2011), *What Makes People Tick? The Three Hidden Worlds of Settlers, Prospectors and Pioneers*, Matador, Kibworth Beauchamp, UK.

Информация об авторе

Владимир А. Цыгановкин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; whitehall@bk.ru

Information about the author

Vladimir A. Tsyganovkin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; whitehall@bk.ru